

25 КЛЮЧЕВЫХ КНИГ ПО ФИЛОСОФИИ

Анри Бергсон (1859–1941)

Глава 4. Современная философия

Книга: 25 ключевых книг по философии

Глава: 4. Современная философия

Лекция: 20. Анри Бергсон (1859–1941)

«Творческая эволюция» (1907)

Всей жизнью связанный с Парижем, Анри Бергсон прошел все ступени академической карьеры крупного французского университетского деятеля: первый приз Общего конкурса, когда он был лицеистом, Педагогический институт в 1878 году, агреже по философии в 1881 году, доктор филологических наук в 1889 году, преподаватель в лицеях Анжера, Клермон-Феррана, затем Парижа, преподавание в Педагогическом институте и, наконец, в Коллеж де Франс. В 1927 году – лауреат Нобелевской премии в области литературы.

Но за этим строгим академическим фасадом скрывалась бурная и насыщенная жизнь, считает Реми Хесс. Он был мыслителем-новатором, совершившим переворот в философской мысли, который стоил ему многочисленных нападков, в частности со стороны Жюльена Бенда, выказавшего себя его непримиримым противником. Он был патриотом и активным участником международной жизни. Во время войны 1914–1918 годов Бергсон, не задумываясь, отдал весь свой авторитет служению Франции, призвал в 1917 году Соединенные Штаты вступить в войну. Он также участвовал в работе Лиги Наций.

Развитие его мысли нашло свое отражение в четырех капитальных трудах: «Непосредственные данные сознания» (1889), «Материя и Память» (1896), «Творческая эволюция» (1907), которая принесла ему подлинную славу, и, наконец, «Два источника морали и религии» (1932). В «Творческой эволюции» Бергсон постулирует все основные темы своей философии. Именно поэтому я выбрал для рассмотрения упомянутую работу, пишет Хесс.

Введение

Мысль о длительности приводит к идее эволюции. Мысль о рассудке – к идее жизни. Порывая утверждением Декарта «Я мыслю, следовательно существую», Бергсон рассматривает разум как продукт жизни. Он объясняет сознание жизни самой жизнью. Противопоставляя механицизм и финальность, он показывает, что лишь внешняя законченность является верной, что радикальные механицизм и финальность суть заблуждения: «Теория жизни, которая не сопровождается критикой познания, вынуждена принимать такими, какие они есть, концепции, предоставляемые рассудком в ее распоряжение: она может лишь свободно или силой заключать факты в заданные рамки, которые она рассматривает как окончательные. Таким образом, теория жизни достигает удобного или даже необходимого для позитивной науки символизма, но отнюдь не прямого видения своего объекта. С другой стороны, теория познания, которая не включает разум в общую эволюцию жизни, не научит нас ни тому, как рамки познания образованы, ни тому, как мы можем их расширить или выйти за их пределы», пишет Анри Бергсон. Две эти задачи дополняют одна другую. Круговым процессом они могут стимулировать друг друга до бесконечности. Жизнь необходимо представлять в эволюции.

Об эволюции жизни, механицизме и финальности

Бергсон примеряет «на эволюционное движение два готовых платья, которыми располагает наше понимание – механицизм и финальность». Он показывает, что ни то, ни другое не подходят, но «одно из двух можно перекроить, перешить, и в этом новом виде оно может подойти лучше, чем другое».

Сначала Бергсон размышляет о длительности вообще: «Длительность – это постоянное развитие прошлого, которое разъедает будущее и набухает, двигаясь вперед. А раз прошлое непрерывно увеличивается, оно также и бесконечно сохраняется». И далее: «Прошлое сохраняется само по себе, автоматически. В каждый данный момент оно следует за нами все целиком: все, что мы чувствовали, думали, хотели с самого раннего детства, находится здесь, спроецировано на настоящее и, соединяясь с ним, давит на дверь сознания, которое всячески восстает против этого».

Характер – это конденсат того, что мы прожили с момента нашего рождения. Мы думаем лишь маленькой частью нашего прошлого, но желаем, хотим, действуем всем нашим прошлым в целом. Сознание непрерывно развивается, потому что его прошлое постоянно меняется. Нужно интегрировать все, что случается, включая непредвиденное. Мы – это также и то, что мы делаем. Мы постоянно создаем самих себя. «Существование заключается в изменении, изменение – в созревании, созревание – в бесконечном созидании самого себя».

Бергсон рассматривает неорганизованные тела. Здесь он также открывает длительность: «Вселенная длится. Чем больше мы будем углубляться в природу времени, тем больше будем понимать, что длительность обозначает изобретение, создание форм, постоянную разработку абсолютно нового. Системы в рамках науки делятся лишь потому, что они неразрывно связаны с остальной вселенной. Они тоже развиваются».

Затем Бергсон рассматривает организованные тела, которые прежде всего характеризуются индивидуальностью. Индивидуальность предполагает бесконечность степеней. Нигде, даже у человека, она не реализуется полностью. Но это характеристика жизни. Жизнь никогда не является реализованной, она всегда на пути к реализации. Она стремится организовать от природы закрытые системы, даже если воспроизводство идет путем уничтожения части индивидуума, чтобы придать ей новую индивидуальность. Но живое существо характеризуется также старением: «На всем протяжении лестницы живых существ сверху донизу, если я перехожу от более дифференцированных к менее дифференцированным, от многоклеточного организма человека к одноклеточному организму, я обнаруживаю: в этой же самой клетке – тот же процесс старения». Везде, где что-то живет, существует регистр, куца записывается время. На уровне личности старение вызывает деграцию, потерю (клеток), но одновременно и аккумуляцию (истории).

Бергсон подходит к вопросу трансформизма и способов его толкования. Он допускает, что в определенный момент, в определенных точках пространства родился вполне видимый поток: «Этот поток жизни, проходя через тела, которые он организовал, переходя от поколения к поколению, разделился между особями и рассеялся между личностями, ничего не потеряв от своей силы, а скорее, набирая интенсивность по мере движения вперед».

Он рассматривает радикальный механицизм: биологию и физикохимию. Подробно проанализировав положения этого потока, он показывает, что склонен предоставить более выгодное место структуре и полностью недооценивает время. По этой теории «время лишено эффективности, и как только оно перестает что-либо делать, оно ничто». Но в радикальной финальности биология и философия рассматриваются достаточно спорным образом. У Лейбница, например, эволюция выполняет заранее намеченную программу. Для Бергсона этот тип финальности является лишь «механицизмом наоборот». Все уже дано. Однако в жизни есть непредвиденное.

«Таким образом, механицизм и финальность здесь являются лишь взглядами извне на наше поведение. Они извлекают из него интеллектуальность. Но наше поведение проскальзывает между ними и простирается гораздо дальше».

Бергсон ищет критерий оценки, рассматривает различные трансформистские теории на конкретном примере, анализирует «незаметную вариацию» у Дарвина, «резкую вариацию» у Де Фриза, ортогенез Эймера и «наследственность приобретенного» у неоламаркистов. Результат рассмотрения следующий: эволюция зиждется на первоначальном порыве, жизненном порыве, который реализуется путем разъединения и раздвоения. Жизнь можно увидеть при помощи многих решений, но ясно, что они являются ответами на поставленную проблему: живой должен видеть, чтобы мобилизовать свои способности к действию на действие: «В основе нашего удивления всегда лежит мысль, что только часть этого порядка могла бы быть реализована, что его полная реализация является своего рода благодатью».

И еще: «Жизнь – это стремление воздействовать на сырую материю». Смысл этого воздействия, конечно же, не предопределен: отсюда «непредвиденное разнообразие форм, которые жизнь, развиваясь (эволюционируя), сеет на своем пути. Но это воздействие всегда имеет случайный характер».

Книга: 25 ключевых книг по философии

Глава: 4. Современная философия

Лекция: 20. Анри Бергсон (1859–1941)

Расходящиеся направления эволюции жизни, бесчувствие, разум, инстинкт

То, что направления эволюции расходятся, не может быть объяснено одной адаптацией: «Правда то, что адаптация объясняет извилистость эволюционного движения, но не общие направления движения, а еще в меньшей степени само движение». То же относится к идее развития некоего изначально существующего плана: «План – это своего рода предел, он закрывает будущее, форму которого определяет. Перед эволюцией жизни, напротив, двери будущего остаются широко открытыми». Только жизненный порыв и энергия позволяют понять, почему жизнь делится на животную и растительную. По своей природе они не различны. «Разница – в пропорциях. Но этой пропорциональной разницы достаточно для определения группы, где она встречается. Одним словом, группа будет определяться не наличием определенных признаков, а своей тенденцией их усиливать». Например, нервная система животного и растительный фотосинтез являются двумя различными ответами на одну и ту же проблему аккумуляции и воспроизводства энергии.

Бергсон пытается определить схему животной жизни, отмечает Хесс. Это, согласно его теории, высший организм, который состоит из сенсорно-моторной системы, установленной на устройствах для пищеварения, дыхания, кровообращения, секреции и т. д., роль которых – обслуживать ее и передавать потенциальную энергию, чтобы преобразовывать ее в движение перемещения: «Когда нервная деятельность вынырнула из протоплазменной массы, в которую была погружена, она неминуемо должна была привлечь к себе всевозможные виды деятельности, на которые можно было бы опереться: те же могли развиваться лишь на других видах деятельности, которые, в свою очередь, привлекали другие ее виды, и так до бесконечности».

Это были устройства для пищеварения, дыхания, кровообращения, секреции и т.д. Структура жизни – это диалектика между жизнью вообще и конкретными формами, которые она принимает, между созидательным порывом жизни и инерцией материальности, в которой она дается в фиксированных формах. Растительное бесчувствие, инстинкт и разум сожительства в эволюции. Они не расставляются по порядку. Существуют возвраты назад. Со времен Аристотеля философы природы ошибались в том, что «видели в растительной, инстинктивной и разумной жизни три последовательных степени одной и той же тенденции, которая развивается, тогда как это три расходящихся направления деятельности, которая разделяется по мере своего роста».

Инстинкт, мгновенный и надежный, не способен решать новые проблемы, которые разум может решать с удивительной способностью к адаптации: «Законченный инстинкт – это способность использовать и даже создавать организованные инструменты; законченный разум – это способность производить и использовать неорганизованные инструменты». Сознание живого существа связано со способностью дистанцироваться от мгновенного действия: «Оно измеряет разрыв между представлением и действием».

Так философия жизни становится теорией познания. Разум по своей природе бессилен понять жизнь. Инстинкт – это симпатия: «Если рассматривать в инстинкте и в разуме то, что они включают в себя от врожденного знания, можно увидеть, что это врожденное знание относится в первом случае к вещам, а во втором – к связям».

После этого Бергсон пытается определить разум. Согласно его теории, пишет Хесс, основной объект разума – неорганизованное твердое тело. Разум оперирует только прерывистым. Он может расчленять по любому закону и снова соединять в виде любой системы: «Инстинктивный знак – это застывший знак, разумный знак – мобильный знак». То, что связано с инстинктом, направлено на инертную материю. Интуиция – это та полоса инстинкта, что пребывает в разуме. Она противоестественна, как скручивание воли вокруг нее самой, благодаря чему разум может совпадать с реальным, сознание жизни – с жизнью: «Именно в глубь жизни ведет нас интуиция, то есть инстинкт, ставший незаинтересованным, осознающим самого себя, способным размышлять над своим предметом и безгранично расширять его».

Книга: 25 ключевых книг по философии

Глава: 4. Современная философия

Лекция: 20. Анри Бергсон (1859–1941)

О смысле жизни, порядке природы и форме разума

Бергсон пытается установить связь проблемы жизни с проблемой познания. Он задает себе вопрос о философском методе. Возможности науки показывают, что в вещах есть порядок. Этот порядок можно объяснить, переходя априори на категории интеллекта (Кант, Фихте, Спенсер). Но в этом случае «мы совсем не описываем генезис».

По мнению Хесса, Бергсон отказывается от этого способа. Он различает геометрический порядок, присущий материи, и жизненный порядок, показывает, как реальное живое существо может переключаться в режим автоматического механизма, потому что это «то же самое преобразование того же движения, которое одновременно создает интеллектуальность ума и материальность вещей». И снова интуиция позволяет установить связь между инстинктивным познанием и разумом: «Нет такой устойчивой системы, которая не оживлялась бы, по крайней мере, в некоторых своих частях, интуицией». Диалектика позволяет подвергать интуицию испытанию и распространять ее на других людей. Но одновременно интуитивная попытка и попытка оформления мысли противопоставляются с разных направлений: «То же самое усилие, которым мы связываем мысли одну с другой, заставляет исчезнуть интуицию, которую мысли взялись накапливать. Философ вынужден отказываться от интуиции, как только она дала ему толчок, и доверяться самому себе с тем, чтобы продолжать движение, выдвигая концепции одну за другой».

Но тогда он теряет почву под ногами. Диалектика – это то, что подкрепляет мысль ею самой. Ничто не является данным раз и навсегда. Живое существо является творением, оно – подъем, но материя – это творческий акт, который слабеет. Даже живое существо стремится к смерти. Однако Бергсон остается оптимистом. Жизненная деятельность, говорит он, – это «самосозидание одной реальности на фоне саморазрушения другой». И далее он поясняет, что жизненный порыв – это потребность в созидании:

«Он не может созидать, безусловно, ибо встречает перед собой материю, то есть движение, противоположное своему. Но он захватывает эту материю, которая является самой необходимостью, и пытается ввести в нее как можно больше неопределенности и свободы».

Сознание – это синоним изобретательности и свободы. Это определение указывает на радикальное различие между самым умным животным и человеком. Сознание соответствует мощной способности выбора, которой располагает живое существо. Так, если у животного изобретательность – это всегда лишь вариация на тему навыка, то у человека изобретательность шире. Человеку удастся овладеть своими автоматизмами, превзойти их. Этим он обязан языку и общественной жизни, которые являются сконцентрированными резервами сознания, мысли. Так человек может предстать как «предел», «цель» эволюции, даже если он – лишь одно из очень многих направлений творческой эволюции: «Все живущие держатся друг за друга и уступают чудовищному натиску. Все человечество в пространстве и во времени – это огромное войско, которое мчится рядом с каждым из нас спереди и позади в порыве атаки, способной сломить любые сопротивления и преодолеть массу препятствий, даже, возможно, смерть».

Кинематографический механизм мысли и механическая иллюзия, взгляд на историю систем, реальное становление и ложный эволюционизм

Бергсон выступает против иллюзии, посредством которой мы идем от пустоты к полноте, от беспорядка к порядку, от небытия к бытию. Нужно перевернуть восприятие, идет ли речь о пустоте материи или о пустоте сознания, «представление пустоты есть всегда полное представление, которое делится при анализе на два положительных элемента: идею замены четкую или расплывчатую; чувство, испытанное или воображаемое, желания или сожаления».

Идея небытия как упразднения всего является абсурдной, как была бы абсурдной идея прямоугольного круга. Идея – это всегда что-то. Бергсон идет еще дальше и говорит, что есть плюс, а не минус в идее предмета, мыслимого как несуществующий, так как идея «несуществующего» предмета – это непременно идея предмета существующего, более того, с

Книга: 25 ключевых книг по философии

Глава: 4. Современная философия

Лекция: 20. Анри Бергсон (1859–1941)

«представлением исключения этого предмета фактической реальностью, взятой в ее целом». Отрицание отличается от утверждения тем, что оно является утверждением второй степени: «Оно утверждает что-то из утверждения, которое, в свою очередь, утверждает что-то из предмета». Если я говорю, что стол не белый, то тем самым я ссылаюсь на утверждение, которое оспариваю, а именно, «стол белый». Всякое отрицание строится на утверждении. Следовательно, пустоты нет. Следовательно, надо привыкнуть думать о Бытии напрямую, не делая зигзага в сторону Небытия. Итак, Абсолют «обнаруживается очень близко от нас в нас». Если принять принцип постоянного изменения, который был сформулирован в первой главе, то получится, что, если что и реально, так это – постоянное изменение формы. В этом случае «форма – это лишь моментальный фотоснимок, сделанный в момент перехода». Наше восприятие закрепляет в прерывистых изображениях поток изменения. Мы строим «усредненные» изображения, которые позволяют нам следовать за расширением или сужением реальности, которую хотим постичь. Таким образом, познание больше тяготеет к стабильным формам, нежели к самому изменению. Механизм нашего познания похож на кино (чередование кадров, создающее впечатление движения).

Отталкиваясь от этого, Бергсон вновь анализирует всю историю философии, от элеатов до Спенсера, чтобы проследить, как время было обесценено философами. Он показывает, как физическое механистическое познание смогло предстать в качестве иллюзорной модели познания: «Античная наука считает, что достаточно знает свой предмет после того, как выделила основные свойственные ему моменты». Современная наука, умножая наблюдения, например, при помощи фото, подошла к вопросу движения вещей. Наука древних статична. Галилей и Кеплер ввели время в анализ движения планет. Они интересуются связями между вещами. Но, добавляет Бергсон, «если современная физика отличается от прежней тем, что рассматривает любой момент времени, то она целиком основывается на замене времени-продолжительности на время-изобретение». Бергсон видит необходимость в другом отношении ко времени, которое создается. Это другое отношение позволило бы «сжать» бытие, чего не удалось сделать Спенсеру, так как он воссоздал «эволюцию из фрагментов развитого».

Работа заканчивается напутствием для философов. Философ должен идти дальше ученого. Он должен работать над обнаружением реальной длительности в области жизни и сознания.

Комментарий

В философской мысли конца XIX века, довольно пессимистичной, по сути дела, появление идей Бергсона было встречено многими как освобождение, – пишет Хесс. Шарль Пегю, ученик автора Творческой эволюции, скажет о своем учителе, что он «заново ввел в мир духовную жизнь».

Парадокс в том, что это было сделано логичной (строгой, суровой, резкой, точной) мыслью, очень близкой позитивизму. Бергсон хотел интегрировать метафизику в рамки объективного опыта. Его многочисленные и точные ссылки на науку своего времени, его способность очень технично строить критику свидетельствуют о глубине философской революции, носителем которой он был. Бергсон отказывается от разделения, унаследованного от Огюста Конта, на «относительное» и «позитивное». Один из секретов бергсонизма состоит в том, что он различает «относительное познание» и «ограниченное познание». В одном случае мы меняем природу своего предмета, в другом оставляем его нетронутым, взявшись лишь за какую-то одну его часть.

Со времен Огюста Конта в XIX веке было предпринято немало попыток осмыслить эволюцию мира. Бергсон особенно тщательно изучил Спенсера, на которого он много раз ссылается в Творческой эволюции, однако был им разочарован, так как обнаружил, что его эволюционизм не предоставляет места мысли о временности. Поэтому такая система казалась ему фиктивной.

Как вспоминает Андре Дево, основной целью Бергсона было «показать, что все имеет ту же природу, что и я, и что понимаешь это путем все более полного изучения самого себя». Это указание самого Бергсона позволяет справиться с трудностью, которую может представлять собой переход от длительности во мне к длительности в мире.

Книга: 25 ключевых книг по философии

Глава: 4. Современная философия

Лекция: 20. Анри Бергсон (1859–1941)

Абсолют, который я испытываю в себе, – то же ли это самое, что сердцевина космического бытия? Бергсон отвечает, что «сознание, которое мы имеем от нашей собственной личности, в ходе своего непрерывного течения вводит нас в глубь реальности, по модели которой мы должны представлять себе других», Я – это часть Всего. Если я анализирую свое «я», то получаю ограниченное познание Всего, но это познание, хотя и ограничено, является по сути контактом со Всем. Через анализ себя я качественно вхожу во Все. Мое познание не относительно, а абсолютно, хотя у меня есть доступ только к части Всего. Достичь Абсолют где-то – это значит достичь его везде, потому что Абсолют не делится. Он «един» везде, во всем, что существует. Мое существование – это длиться; длиться – это иметь сознание. Размышлять о моей длительности – это быть способным дойти до осознания длительности вселенной. Порыв жизни, который я испытываю в себе, проходит через всю вселенную.

В заключении Реми Хесс пишет о необходимости упомянуть о влиянии, оказанном Бергсоном на философов XX века, даже на тех, кто не ссылается на него открыто. Его осмысление времени не обойти стороной. Довольно любопытно, но именно этот вопрос будет постоянно присутствовать в философии XX века.